

Чехов в английской литературе

Источник: Грани (Франкфурт-на-Майне). 1954. № 22. С. 113–115.

«Чрезвычайно симпатичный писатель, до сих пор ограничившийся мелкими психологическими набросками, но теперь, к сожалению, попытавшийся написать драму»; неудачная драма – «Иванов», «симпатичный писатель» – Чехов, этими словами впервые отрекомендованный английской публике П.Н. Милюковым в его обзоре русской литературы, появившемся в июле 1889-го года в одном из самых влиятельных из лондонских «толстых» журналов. Трудно было предугадать в предмете этого несколько сдержанного отзыва будущего «вдохновителя и покровителя» английской литературы и театра, чье имя впоследствии противопоставлялось английской критикой (подчас и неуместно) всем исполинам мировой литературы – Мопассану, Ибсену, даже Шекспиру (высшей похвалой шекспировскому «Гамлету» одного английского литератора 1920-х годов было то, что пьеса могла бы быть написана Чеховым!).

Вначале Чехов приживался в Англии туго, несмотря на все старания самого раннего его английского поклонника и переводчика Р. Лонга (который, впрочем, был в одном согласен с Милюковым: Чехову для театра не следует писать, не драматург да и только!).

В 1897-ом году впервые вышли рассказы

Чехова по-английски («Дома» и «Тоска»), переведенные анонимным переводчиком, да и то не с русского языка, а с немецкого. Никто на них внимания не обратил, и всего за два года до смерти Чехова. Лонг с грустью замечает в одном лондонском журнале, что «чеховские произведения совершенно в Англии неизвестны», хотя он и является «звездой большей величины», чем Горький, которого на Западе прочтут в преемники Толстому.

Значительно позже – в 1908-ом году – уж после того, как англичане имели возможность познакомиться с лучшими из чеховских повестей и рассказов, все тот же Лонг продолжает скорбеть о полной их неизвестности среди его (Лонга) соотечественников. Но год оказался переломным. Почти что вдруг, чем-то, какой-то, до тех пор неизвестной, ноткой Чехов словно задевает за живое передовых английских литераторов. Как бы очнувшись внезапно от равнодушного созерцания его таланта, приходят они в изумление, восторг, чуть ли не иступленное восхищение. Бернард Шоу, ставивший себя выше Гомера и Шекспира, признается в желании бросить все собственные произведения в огонь каждый раз, как видит какую-нибудь пьесу Чехова. Д. Миддлетон Мурри называет его «мерилом», которым следует мерить всю современную литературу, «единственным героем нашего времени» (подчеркнуто им), «полностью святым». Похвала здесь достигает своего апогея.

Не все писатели в Англии готовы были причислить Чехова к лику святых, но все – во всяком случае все передовые писатели и вся интеллигенция двадцатых годов оказалась под его влиянием. «Всякий желающий писать короткие рассказы должен был писать в чеховском стиле», говорит Сомерсет Моэм, вспоминая о литературных течениях этой эпохи. (Хотя никто, кажется, не пошел так далеко по этому подражательному пути, как Катерина Мэнсфильд, молодая и чрезвычайно талантливая предвестница английской «чеховской прозы», начавшая уже с 1911-го года писать рассказы полностью чеховские не только по стилю и духу, но, в некоторых случаях, и по содержанию: *The-child-that-was-tired* – прямой пересказ чеховского «Спать хочется», но на фоне немецкой семьи).

Но в 20-ых годах не только рассказы и повести Чехова пользовались таким громадным успехом, – пьесы его не сходили с лондонской сцены: «Вишневый сад», «Три сестры», «Дядя Ваня», «Чайка», «Иванов» (приблизительно в таком порядке популярности) сменяли друг друга в том же театре или шли одновременно в нескольких, большей частью в постановке Комиссаржевского и в переводах Констанции Гарнетт.

Много лет прошло с тех пор. Чехов больше не представляет из себя новинки, увлечение его стилем, манерой писать, мировоззрением больше уже не принимает столь ярких форм, но влияние его осталось – может быть, в прежней силе. «Большинство молодых авторов равняется на Чехова», пишет Сомерсет Моэм в год начала второй мировой войны, – «ничего не оказало такого сильного влияния на современных писателей, как его рассказы».

В чем же заключается это влияние, чем объяснить тайну такого небывалого успеха?

Влияние Чехова на английскую литературу – двоякое. Во-первых, чисто стилистическое. Правда, стиль его доходит до английского читателя лишь в преломлении переводческой призмы, не всегда удачно передающей особенности языка и литературных приемов. Но все же, сквозь все неизбежное обеднение подлинника, проглядывают главные отличительные черты: сжатость фразы, требующая наибольшей насыщенности содержания при наименьшем расходе слов; нарочитая сухость выражения, не допускающая какой бы то ни было сентиментальности или напыщенности, целеустремленность изложения, не дающая рассказу отклониться от первоначального задания и запутаться в привходящих, наконец – эмоциональная скупость.

Вот эта-то эмоциональная скупость впервые и привлекла английскую интеллигенцию, привыкшую видеть в отечественной литературе не отражение собственной сдержанности, а скорее экспансивность и «полнокровность», переданную английской прозе традициями шекспировских времен. Скупость эта образовала тот мост, по которому англичане прошли в чеховский мир; а оказавшись в нем, переняли еи только стилистические приемы, но и многое другое, характерное для Чехова – его недоговоренность, например: повесть кончается, как бы обрываясь, – развязки нет, есть лишь намек на какой-то возможный исход в неопределенном будущем; люди говорят, действие идет своим чередом, но все время за всеми разговорами, за этим действием что-то кроется, что-то подразумевается, но не высказывается; Немирович-Данченко называет это – «подводным течением»...

Особенно сильное впечатление произвели на английских писателей чеховский, по

словам Ленарда Вульфа, «холодный реализм», его «непричастность» к людям и событиям, им же самим описываемым. По душе англичанам тоже и чеховский юмор, и ирония, но многое в Чехове, кажется мне, истолковано неправильно, – многое, что, пройдя в этом неправильно истолкованном виде в английскую литературу, ввело за собою ту искаженную «чеховщину», которую и по сей день часто можно заметить среди произведений современных английских писателей. Пресловутое «чеховское настроение» переходит у его подражателей просто в нытье, его «кусочки жизни» теряют в менее искусных руках и смысл и соль свою, а недоговоренность, намеки, «подводное течение» подчас вырождается в туманную расплывчатость.

Одно увлечение чеховским слогом, одно увлечение его писательским мастерством, конечно, не могут полностью объяснить успех Чехова в Англии. Тут есть еще что-то другое, что-то, что роднит Чехова с английским складом ума и английской общественной обстановкой. Во многом, мне кажется, Чехов стоит значительно ближе к английскому умозрению, чем к русскому – своей сдержанностью, трезвостью своих суждений, в известном смысле – аполитичностью, отсутствием гиперболы и... отсутствием Бога. Русская литература, в противовес английской – богоборческая. Богоборческая в том смысле, что она вечно занята духовными запросами, вечно пытается отыскать нравственную подоплеку бытия, вечно борется либо за, либо против Бога, неизменно стоящего за спиной каждого русского писателя. Каждого – за исключением Чехова. Он скорбит душой за «униженных и оскорбленных», но, как и англичане, не вовлекает Бога в свою скорбь. Он пламенно желает людям избавиться от нищеты и болезней, но подход его чисто практический, опять-таки английский: он аполитичен в том смысле, что ищет избавления не в различных идеологиях или широковещательных партийных хартиях, а просто в постройке больниц, дорог, школ и других чисто административных мероприятиях.

Когда чеховские произведения впервые появились в английских переводах, Англия еще продолжала жить традициями XIX-го столетия; плотно примыкая к своим историческим устоям, она и не собиралась прощаться с вековыми навыками и обычаями. Но с наступлением нового столетия наступила и новая эпоха. Многие до тех пор чтимое, считавшееся непреложным, стало становиться под сомнение; чисто практические меры финансовой политики в виде подоходного, земельного и других налогов, редко влияли на повседневный уклад общественной жизни. Первая мировая война ускорила этот процесс. Как в свое время в чеховской России помещики, разоренные новыми экономическими сдвигами, покидали насиженные гнезда, дав Чехову тему «Вишневого сада» и ряда других его вещей, так и в Англии начало происходить перераспределение богатства и земельного имущества, хотя и позже, чем в России, и в силу других экономических обстоятельств. Англия, сама того еще не сознавая, прощалась с собственными традициями. А Чехов, по меткому выражению английского литературного критика Дэсмонта Мэк-Карти, – «художник прощаний»: прощания с молодостью и

любовью («Три сестры»), с родной усадьбой («Вишневый сад»), с иллюзиями и надеждой («Дядя Ваня»), с самой жизнью («Иванов»). И вот тут-то Чехов в Англии оказался почти злободневным, или, во всяком случае, понятным, родственным по настроению. А родственность настроения еще более усилилась вследствие войны: людям после нее захотелось отдохнуть от напряженности, от героизма и от героев; влекло к будням и повседневности, героем провозглашался Акакий Акакиевич. Английская литература, воспитанная, как уже было сказано выше, на традициях Шекспира и потому отдающая дань красочным личностям и сильным страстям, определенная в своих суждениях, дышащая оптимизмом, энергией и жизнерадостностью, вдруг свернула со своих традиционных путей и пошла искать чего-то менее полнокровного и более чуткого, менее героического и более повседневного. В своих поисках натолкнулась она на Чехова и, правильно решив, что он предвосхитил то, к чему она сама стремилась, произвела его на месте <sic!> в свой воплощенный идеал. И получилось: не писатель примкнул к чужеземной литературе, а целая литература примкнула к чужеземному писателю.

Но следует оговориться: ярых приверженцев Чехов в Англии обрел лишь среди интеллигенции – ценить Чехова значит в Англии быть интеллигентом. В народную толщу, где скрыты корни всякой национальной литературы, Чехов проник мало. Вероятно, со временем английские традиционные течения возьмут верх и чеховское влияние будет отвергнуто, но мало кто из иностранных писателей, русских или иных, завоевал себе в Англии такую славу и так обогатил английскую литературу, как Антон Павлович Чехов.